

18+

КИРА МЮРРЕЙ

Алекситимия

Кира Мюррей

АЛЕКСИТИМИЯ

«Издательские решения»

Мюррей К.

Алекситимия / К. Мюррей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515294-7

Константин — молодой психиатр, который обладает желанием излечить всех. Он выделил троих пациентов, с помощью которых хочет доказать свою теорию, что все психические заболевания — от неприятия мира. Он погружается в их жизнь. В жизнь парня, который решил унести с собой в могилу, как можно больше людей. В жизнь маленькой девочки, для которой жизнь — игра в куклы. Третий пациент становится ему другом. Константин не замечает, как начинает вспоминать прошлое, перенимать взгляд на мир. И сходить с ума.

ISBN 978-5-00-515294-7

© Мюррей К.
© Издательские решения

Содержание

Алекситимия	6
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алекситимия

Кира Мюррей

© Кира Мюррей, 2020

ISBN 978-5-0051-5294-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алекситимия

Глава 1

– Срочный выпуск новостей, – четко заговорил диктор с образцово ровной спиной и сложенными на столе руками.

У неё были до невозможного идеально зачёсанные назад волосы, что не выбивалось ни одного волоска, и строгий, без единой складочки, костюм. Зазвучала привычная тревожная музыка, которая сопровождала каждый выпуск новостей.

В помещении тут же загалдели мужики слегка за тридцать немного навеселе. Столы были уставлены пузатыми бокалами с пивом и глубокими тарелками с чипсами, которые выпивохи горстями забрасывали в рот, просыпая часть на стол.

Это был спорт-бар, где по множеству больших плазм показывали очередную футбольную игру. И контингент бара совершенно не был настроен на выпуск новостей. Они возмущались, некоторые даже бросали в экраны чипсами, как будто это могло помочь. Официантки бегали от стола к столу, пытаясь успокоить посетителей и доказать им, что они ничего поделать не могут и нужно немного подождать.

– За что я деньги плачу?! – доносилось с разных сторон возмущенное восклицание и девушкам в фартушках приходилось вновь и вновь извиняться.

– В школе *** города ***, – быстро заговорила девушка с экрана и посетители немного поутихли под давлением любопытства, что же такого произошло в их городке, – сегодня, в четырнадцать часов семнадцать минут раздались выстрелы. Полиция не комментирует происходящее. Известно только, что один из учеников запер изнутри дверь, закрыв учащихся в актовом зале. По предыдущим данным: он забаррикадировался в зале с пятьюдесятью учениками и двумя учителями и открыл по ним стрельбу. На данный момент прозвучало по меньшей мере двенадцать выстрелов. Количество пострадавших неизвестно.

В баре загалдели, но уже в голосах не было слышно обвинения в прерванном футболе, а чипсы, орешки и пиво были забыты. Мужчины начали переговариваться полными ужаса и возмущения голосами, в растерянности от происходящего. Такого ведь у них не может быть. Как такое может случиться в их городке? Такое где-то далеко, за океаном, может в Штатах, но точно не у них.

Картинка сменилась и теперь на экранах была не девушка, сидящая в студии, которая зачитывает прописанный текст с небольшого монитора, а школа, окруженная паникой и людьми.

Множество полицейских машин криво выставленных вокруг здания, организовав собой ограждение. Они освещали округу красно-синими бликами мигалок, а уши резал вой сирен. Вокруг нескольких пожарных машин и машин скорой помощи суетились врачи в белых халатах с чемоданчиками. Они сами не понимали, что от них требуется.

Полицейские в бронежилетах мелькали то здесь, то там. Они перемещались группами и пытались отодвинуть зевак подальше от места действия, но масса людей давила, надвигалась, приближалась.

Люди в ужасе кричали, испуганно говорили что-то друг другу, некоторые пытались пробиться сквозь полицейский заслон, крича о том, что там их дети. Какая-то миниатюрная женщина яростно налетела на полицейского, пытаясь протиснуться мимо него, уворачиваясь от его рук, пытающихся схватить её.

– Пусти-пусти, – в истерике кричала она, – там моя дочь. Там моя дочь!

Несколько мужчин из числа зрителей схватили женщину за плечи, отгаскивая назад. Та кричала, царапалась и кусалась, но её держали крепко, сохраняя хладнокровие в панике, что охватила людей, подобно волне во время цунами.

– Моя дочь, – завывала женщина, дрожа, как в лихорадке. Её так сильно трясло, что она не могла стоять сама. Один из мужчин сгреб её в объятия, обхватив за хрупкие плечи по-медвежьи большими руками.

Камера кружила, показывая то полную паники толпу, то здание, которое возвышалось подобно древней Вавилонской башне. Как будто ужас происходящий внутри и запертые двери сделал эту когда-то самую обычную школу каким-то другим, недостижимым миром.

Казалось, если прислушаться, то сквозь вопли толпы и ор полицейских сирен можно было слышать полные ужаса крики изнутри школы, напоминающие стенания грешных душ, погребённых под массами земли в разгоряченном жерле Ада.

– Дыши ровно, Даня.

Мальчишка кивнул со слишком серьезным выражением для своего совсем юного личика. Ему было двенадцать и он начал вытягиваться. Из-за этого пропала детская округлость и Даниил стал долговязым, угловатым и костлявым. У него были острые локти и ярко выраженные лопатки.

Футболка на нем болталась, и если бы не густые, длинноватые волосы, можно было бы рассмотреть слегка выпирающие позвонки на задней части шеи. Они казались совсем тонкими и хрупкими. Все его косточки были какие-то птичьи, казалось, они легко сломаются, едва надави на них.

Пантелей улыбнулся, глядя на выражение лица сына. Для него он всегда будет несмышлёным ребенком. Слишком свежи воспоминания, как он впервые взял на руки кричащего младенца. Тот был совсем крошечным, красный от крика, морщинистый, совсем не похожий на ангелочка, как описывают детей, скорее он походил на картошку. От чего первый год Пантелей, пока жена не слышит, частенько называл на сына «картофелина».

Даниил всегда смеялся, дергая маленькими ножками, и сжимал крошечный кулачок на пальце своего отца. Он был совсем крохотным, особенно по сравнению со своим коренастым, крупным отцом. Пантелей всегда был крупным, с широким разворотом плеч и крепкими руками. Потому он боялся лишней раз прикоснуться к сыну, опасаясь ненароком сделать ему больно. И даже сейчас, когда Даниилу двенадцать, Пантелей не способен дать даже подзатыльник в наказание. О ремне он вовсе не помышлял.

Даниил быть единственным и любимым ребенком. Когда он был ещё в утробе, была большая вероятность преждевременных родов, потому, начиная с первых месяцев беременности Ира лежала в больнице недели две, если не три, в месяц. Она теряла в весе, а живот ныл болью, как будто нервы медленно натягивали, накручивая на что-то, напоминающее веретено. Ира поддерживала живот снизу с первых месяцев, в надежде облегчить это тянущее чувство.

Она практически ничего не могла есть, всё вызывало приступы болезненной тошноты. Её руки были в непроходящих, насыщенно-синих синяках от капельниц. Иногда, синяки были практически черными, а каждое движение рукой отдавало простреливающей болью.

Над ними висела постоянная угроза смерти малыша и, глядя на свою измождённую жену, Пантелей понимал это с пугающей ясностью. От того у него слишком быстро выработалась привычка прикоснуться к выпуклому животу Иры. Он клал свою крупную ладонь, чувствуя, как толкается его сын крошечными ручками или ножками.

Он прикладывал ухо к животу Иры и ему казалось, что он может слышать удары совсем маленького сердечка.

Ира спала к нему спиной, прижимаясь к его широкой, горячей груди, а Пантелей клал руки на её все растущий и растущий живот и все заботы и тревоги, что накопились за день, отступали под натиском домашнего счастья.

Когда Ира была на пятом месяце беременности, в один из выходных дней они сидели на диване, девушка закинула ноги ему на колени и он поглаживал крепкие, спортивные икры. Ира иногда хихикала и шутливо пихала его ногой, но затем возвращала ноги ему на колени, хитро улыбаясь. Только Ира умела так улыбаться. Её янтарно-карие глаза становились полисьи хитрыми, в них вспыхивали веселые золотистые искорки, а в уголках глаз появлялись небольшие морщинки-лучики от веселья.

Пусть Ира была ещё молода, ей исполнилось двадцать шесть, её лицо преобразили постоянные улыбки и веселости нрава. И даже когда она была серьезна, казалось, что её глаза немного шуртятся в смехе.

Для Пантелея она была самой красивой девушкой, даже сейчас, когда она сидела в растянутой футболке с пятном на округлившемся животе. Её густые волосы собраны в растрёпанный пучок, а на лице ни следа макияжа.

Он шутя, иногда, проходит кончиками пальцев по голой ступне Иры, щекоча её. Она совсем по-девичьи хихикает, отдергивая ногу, но тут же кладет её обратно.

В комнате полумрак, уже зашло солнце и единственное, что освещает комнату – это телевизор, по которому идет какой-то фильм. То ли комедия, то ли очередная история любви. Они сделали звук практически на минимум и голоса актеров еле различимы. Фильм скорее служил освещением, чем развлечение.

На полу стоит большая, практически полная миска попкорна, из которой совсем недавно увлеченно ела Ира. Но она не съела даже половины, а Пантелей вовсе не любил попкорн. Ире не так нравился сам попкорн, как-то, что большая миска доверху полная, стоит у неё на коленях и она со своим мужем смотрят телевизор. Она сама себе напоминает какую-то героиню фильма.

Они поставили миску на пол. Многие зернышки рассыпались по дивану и слегка покалывали кожу, но никто не обращал на это внимание. На тумбе возле дивана стоял выключенный светильник. Пантелей часто сидел здесь поздними вечерами, читая книги в свете этого светильника, чтобы не мешать Ире спать. На тумбе лежала толстая книга в твердом переплете с золотистым названием, выведенным витиеватыми, закрученными буквами.

Они часто открывали эту книгу, пытаясь выбрать имя для своего ребенка. Недавно они узнали, что ждут мальчика, от того читали всевозможные мужские имена. Но каждый раз это больше походило на развлечение. Они смеялись и подшучивали над очередным странноватым именем или пытались подобрать к нему рифму. От того с недавних пор они начали перебирать имена по памяти.

Этот вечер они тоже решили посвятить подбору имени.

– Егор, – предложила лениво Ира, откинувшись на плечо мужа.

– Егор Пантелеевич, – протянул мужчина, мягко перебирая волосы жены, – Кирилл?

– Возможно. Дима? Женя? Святослав?

– Мне нравится Святослав. Я бы хотел, чтобы это имя что-то значило. Хочу, чтобы Бог хранил его.

Они посидели в тишине. Над ними нависали невысказанные слова. Они не могли повлиять на будущее своего малыша. И на опасности, что его поджидали, от того они, как и множество родителей, постоянно находились под гнетом страха.

Когда от тебя ничего не зависит, ты желаешь чуда. И тогда спасение – это Бог. Мысль, что вера в кого-то всемогущего может сотворить чудо.

Давящая тишина, казалось, длилась вечно.

– Даниил, – сказал Пантелей. Ему казалось, что он так долго молчал, что его губы и рот пересохли, от того даже это короткое слово отдавало болью. Привкусом печали.

– Да, – умиротворенно сказала Ира, погладив живот, – Даниил. Бог тебе судья.

Пантелей вынырнул из воспоминаний, когда раздался громкий выстрел и мальчишка сделал шаг назад, поморщившись, опустил руку. Казалось, он вовсе уронил её. В ней все ещё был зажат пистолет, который, в его худощавой руке, был непропорционально большим.

– Молодец, – сказал Пантелей, растрепав и так взъерошенные волосы сына.

У Даниила от природы были густые волосы насыщенного темного цвета, которые смотрелись удивительно красиво в сочетании с его каре-зелеными глазами.

Но из-за подростковой нескладности его голова была слишком большой по отношению к телу, а из-за копны волос Даниил напоминал головастика.

Пантелей положил руку между лопаток сына, смотря вперед – на мишени. Он учил Даниила стрелять по банкам, раньше это были игрушечные пистолеты и тир, теперь же настоящее огнестрельное оружие.

Мужчина гордился, что его сын не сказал ни слова жалобы, хотя настоящее оружие, наверняка, причиняло боль своей отдачей. А Даниил не был в достаточно хорошей физической форме, чтобы не обратить на это внимание.

Его рука дрожала от боли, от чего опущенный вниз пистолет ходил ходуном. Все тело Даниила прошибала дрожь, как будто он замерз.

Пантелей знал, что его друзья-коллеги тоже учат своих детей стрелять – уж слишком многого они насмотрелись на своей работе. Не было общественно принятого возраста, когда можно дать своему ребенку в руки огнестрельное оружие и быть уверенным, что все будет нормально.

Они никогда не давали своим детям служебное оружие, зная, какими неприятностями это грозит. Но побороть желание обучить ребенка стрельбе не могли противостоять.

Каждое пятое их дело – это ограбление. В дома, самые обычные, такие же как у них, забираются воры и нередко бывает, особенно, когда воры подростки, которые не знают ни страха, ни морали, ограбление заканчивается убийствами.

Берут они немного: украшения, которые потом сдают в ломбард, деньги, которые лежат на самом видном месте.

Они пропивают их за считанные дни, спускают на наркоту, а когда их задерживают и спрашивают почему убили, почему не дождались, когда никого не будет дома, они не могут дать вразумительного ответа. Ответа, который смог бы объяснить происходящее. Но такого ответа просто не существует. От того им необходимо просто смириться с жестокостью этого мира, не пытаясь найти причин.

Именно из-за таких дел они оставляют заряженные пистолеты в сейфах, от которых их взрослые дети знают пароль.

Пантелей ещё два года назад выбрал место куда будет возить Даниила, чтобы научить того попадать в цель. На машине ехать не меньше тридцати минут, после нужно свернуть с дороги и ехать ещё пятнадцать минут по бездорожью. По ямам и лужам, крупным камням, от чего была опасность застрять и не дожидаться эвакуатор. Пантелей не был уверен, что тот сможет съехать на эту кривую и горбатую дорожку.

И пусть копчик болит из-за кочек. Это ничто по сравнению с тем, что Пантелей может быть уверен, что никому не навредит по неосторожности. Идти в это захолустье слишком долго и бессмысленно. Куца полянка со старыми, высохшими деревьями и несколькими ямами полными грязи, которая не высохла даже в солнечную погоду. Трава была высокой, сухой и колючей. Если закатить штанины, то она до крови издерет щиколотки.

– Посмотри только, – радостно сказал Пантелей, – в пятерочку.

Банка качалась на веревке, за которую была привязана к толстой, сухой ветке. В центре банки серебрилась изнанкой дыра, немного вывернутая, напоминающая распутившийся металлический цветок с острыми краями.

– Похоже на розу, – задумчиво сказал Даниил.

– Розу? – приподняв удивленно брови, переспросил Пантелей.

Даниил качнул головой, как будто молчаливо ответил «не спрашивай» и поднял правую руку, снимавшую пистолет, который казалось, его перевешивал. Он поднял левую руку, словно пытался распределить боль и напряжение или унять дрожь, которая все ещё пробежала по его телу волнами. Он вновь нажал на спусковой крючок, внимательно следя взглядом за слегка покачивающейся целой банкой.

Вручение дипломов о неполном среднем образовании. Три класса параллели, в каждом по меньшей мере двадцать человек. Половина уйдет в ПТУ, техникумы, колледжи, другая половина пойдет в десятый. А потом в одиннадцатый класс, пыжась уверенностью, что они способны сдать экзамены и получить высшее образование.

Как будто высшее образование прибавит им цены и веса в собственных глазах.

Они забудут все, что они делали. Забудут все насмешки, шутки, издевательства. Выбросят из головы как ненужный мусор, как детские шалости, о которых даже не стоит вспоминать и будут полны уверенности, что они хорошие люди. Как будто все, что ты делал в школе, остается в школе.

С каждым годом пропасть между ними будет все больше. Королевы школы выйдут замуж за мужиков с толстыми кошельками и нарожают им детей. Будут ездить на моря, гордо неся самих себя, полные тщеславия. А рядом будет идти сутулые мужья с обвисшими, дряблыми животами. Эти девушки будут уверены, что их жизнь удалась и они это заслужили. А если в жизни будет какая-то неурядица, уменьшится приток денег или муженек найдет кого помоложе, то в приступах истерики будут восклицать: «Боже, за что мне это? Чем я это заслужила?».

Парень подхватил рюкзак за одну лямку и зашел в коридор, тихо ступая. Он заглянул в комнату, посмотрел на свою мать. Она сидела на диване, подтянув под себя ноги. Перед ней стояла открытая бутылка с соком и попкорн. Она внимательно смотрела на действие разворачивающегося в очередной мелодраме. Его мать была мягкой, верящей в чудо, любовь и Бога. Как будто все зло мира было далеко от неё. Впрочем, она сама была далеко от мира. Как будто не принадлежала ему, а он не принадлежал ей. Возможно, от того его отец выбрал её. Он, как никто другой, знал об ужасах этого мира и Ира позволяла ему на недолго о них забыть.

Он солгал ей. Сказал, что вручение дипломов и выпускной завтра. Если бы он не солгал, она бы пришла. Она все ещё думает, что он маленький мальчик. Как будто он переходит с детского сада в первый класс и без маминой поддерживающей улыбки и её мягкой руки разревётся посреди улицы.

Она засмеялась с какой-то наивной шутки и откинула немного голову.

Парень пошел дальше по коридору тихо ступая. Хотя она все равно его не услышит – телевизор работает слишком громко, но он не хочет рисковать. Дверь в комнату отца даже не скрипнула, и он оставил её немного приоткрытой, чтобы услышать, если мать выйдет с комнаты.

Он знал пароль от сейфа, отец самолично заставил выучить.

Его пальцы даже не дрожали, когда он вводил четыре цифры. Его отец выбрал их в случайном порядке. Прекрасно зная, что самые распространённые пароли – это значимые даты и как раз такие проще всего угадать.

Случайные числа – вот залог самого надежного пароля.

Если ты сам не сказал его, не подозревая об опасности.

Ноль. Еле слышный писк при каждом нажатии кнопок. Четыре. Четыре. Он, не колеблясь, нажимает последнюю цифру пароля. С едва слышным писком нажимается восемь и дверца сейфа открывается.

На нижней полке небольшая стопка документов, рядом немного денег.

На верхней полке пистолет, он заряжен. Он знает об этом, но берет ещё дополнительные патроны.

Закрывает змейку на рюкзаке и закидывает его себе за спину. Вес пистолета чувствуется, но он не тягостно тяжелый, заставляющий сердце как-то предсмертно, в последней агонии биться.

Пути назад не будет, он знает это. В каком-то приступе чувств, он даже не может сказать каких, он оставляет сейф открытым и только дверь в комнату закрывает. Он знает, что если кто-то зайдет в комнату то сразу заметит открытый сейф и пропажу пистолета. А это не та мелочь, на которую никто не обратит внимание. Но все равно в каком-то непонятном мотиве оставляет сейф открытым. Точно это должно что-то сказать, как будто это его предсмертная записка.

Его мать все ещё смотрит телевизор. Он на секунду останавливается у двери, глядя на неё, а после идет дальше, все так же тихо.

Ира была на седьмом месяце беременности, когда разбудила Пантелея посреди ночи. Он простонал, открывая глаза. Часы на тумбочке светились черточками цифр, показывающими почти четыре часа утра.

– Что случилось? – почему-то шепотом спросил Пантелей, как будто не хотел разбить таинственную магию ночи.

– Что-то не так, – голос Иры срывался, а глаза обезумевше и влажно блестели в свете уличных фонарей.

Сонливость тут же испарилась, подобно утреннему туману, и Пантелей резко сел. Он хлопком руки по выключателю, тот был над изголовьем кровати, включил светильник, встревоженно и испуганно, глядя на свою жену.

Она была бледной, а губы были алыми. Она постоянно то ли нервно, то ли испуганно кусала их. Они налились кровью, в некоторых местах сухая кожа лопнула и выступила кровь.

– Что случилось? – повторил он свой же вопрос.

– Малыш, – испуганным шепотом сказала Ира, – он не двигается. Что-то не так, Панте, что-то не так!

Ночной город был пустынным, воздух был на удивление чистым, а фонари резали слезящиеся глаза. Руки на руле дрожали и приходилось их сжимать до побелевших костяшек, чтобы не выдать предательской дрожи.

Ира держалась за живот, как будто хотела держать ребенка, слегка покачиваясь. Она напоминала умалишённую, какими их показывают в фильмах. Но после, Ира была уверена, что, если бы её ребенок, её Даниил умер бы внутри неё, она такой и стала бы. За те полчаса, которые длились целую бесконечность, ей казалось, что она погрузилась в самые пучины Ада, где был лишь ужас и горе. Ей казалось, что человек не способен пережить столько мучений.

Пантелей был уверен, что врачи слишком медлительные. Они суетились вокруг его жены, ощупывали её живот. Они были сонно-усталыми, но по каждому их движению было заметно, насколько привычно им быть в такой ситуации.

Медсестра накричала на него, заявив, что он мешает врачам своей болтовней и требованиями и заставила его сесть на один из неудобных, металлический, до ужаса холодный стул, надавив на его плечи.

Будь это в иной ситуации, он бы посмеялся, но сейчас он не находил ничего смешного.

Маленькая, но тучная женщина, уверенно надавила ему на плечи и он – мужчина крепкий и высокий, безропотно сел.

– Слушай, – авторитетно сказала медсестра. Той было немного больше сорока, но её внутренняя сила и уверенность заставляли почувствовать себя детсадовцем, которого отчитывала воспитательница, – если не вызвать роды сейчас – ребенок умрет. Всего седьмой месяц, так что это опасно. Но шанс, что он выживет есть. И пока врачи будут бороться за твоего ребенка ты будешь сидеть здесь, готовый поддержать жену. Понимаешь?

– Да-да, – качнул он головой, глядя в лицо своей испуганной жены.

После этого Иру увезли на слегка скрипучей каталке. Дверь закрылась и над ней засветилась тусклым светом надпись о том, что посторонним вход воспрещен.

Бесконечные, мучительные часы. Они длились и длились. Каждая минута, казалось, не имела конца. Он ходил взад-вперед по коридору, громко топая, чувствуя недовольный взгляд медсестры на себе, но не делать совсем ничего он не мог.

Он сжимал и разжимал кулаки, проводил в бессилии по своей бритой голове, понимая, что не побрей голову он почти на лысо, сейчас бы буквально вырывал бы волосы.

Эти часы были одновременно худшими и лучшими в его жизни. Минуты, в которых в одно нечто неразделимое сплелись ужас и отчаяние, а также радость несравнимая ни с чем, когда он услышал плач своего ребенка. А после, когда он увидел уставшую, обессиленную жену, с волосами прилипшими ко лбу, покрытую потом, но полную облегченного-благоговения.

Его сын был крошечным, недоношенный. Весил слишком мало и от того меньше нормального ребенка. Он был красным, капризным, но при взгляде на своего ребенка сердце Пантелея замерло.

Когда Даниил был в начальной школе, он был меньше других мальчишек. Возможно, излишне пассивный или даже вялый. Он никогда не бывал громким, никогда не устраивал истерик. Удивительно тихий ребенок с поразительно серьезными и умными глазами. Казалось, он, как не свойственно детям, был поразительно вдумчивым.

Для Пантелея он был особенным, исключительным и он думал, что все видят эти черты, что так сильно выделяли Даниила среди других детей. Но, если Пантелей гордился этим, считая своего ребенка уникальным, то Ира, которая всегда была в центре внимания и всеобщей любимицей, была обеспокоена этим.

Дети замечали что-то чужеродное с поразительной точностью и пытались вытеснить это. И они единодушно, не обговорив, приняли решение, что Даниил был чем-то чужеродным.

Ира с болезненной точностью поняла это, когда в очередной раз сидела на скамейке у детской площадки, наблюдая за резвящимися детьми. Их матеря, приглядывая за своими чадами, болтали, обсуждая трудности материнства. Обычно Ира с легкостью вливалась в эти разговоры, но сегодня она внимательно глядела на Даниила.

Он сидел немного поодаль от остальных детей, перебирая листочки, которые он нарвал. Рядом позабыто валялась игрушечная машинка, перевернутая на бок. Даниил даже не бросал на неё взгляда, как будто принципиально.

Он внимательно разглядывал прожилки на листиках, слегка хмурясь, распрямляя немного скрученные кончики листов пальцами.

Мимо проходил какой-то мальчишка в синем комбинезоне возраста Даниила. Он остановился, глядя на одногодку, пуская слюнявые пузыри, после посмотрел на заброшенную машинку и не спрашивая разрешения, схватил её и, прижав её маленькими ручонками к груди, побежал в сторону песочницы.

Даниил даже не поднял глаз от листьев, все также разглядывая их, как будто в его мире не существовало ни похищенной машинки, ни какого-то проходящего мимо ребенка.

Казалось, умение игнорировать было одним из первых, что усвоил Даниил и он делал это настолько искусно, что могли позавидовать взрослые. Ира наблюдала за другими детьми не единожды, сравнивая их поведение с поведением Даниила.

Она поднялась со скамейки и подошла к своему сыну, села перед ним на корточки и положила руки на свои колени, глядя в лицо Даниилу. Тот продолжал разглядывать листики, казалось, не замечая её, хотя это было невозможно. Но движения его маленьких пальчиков по листам были такими же размеренно-спокойными. Его пытливые зеленые глазки были сосредоточены на тонких прожилках и он даже не бросил мимолетного, случайного взгляда на подошедшую маму.

– Даня, – ласково сказал девушка, положив руку на худенькое плечо.

Мальчик вздрогнул и поднял удивленное, даже слегка испуганное, личико, глядя большими, по-детски яркими глазами.

– Может, пойдешь поиграешь с мальчиком, который взял твою машинку? Вы можете играть с ней вместе. Ты же хочешь, чтобы у тебя были друзья?

Даниил медленно перевел взгляд в землю, как-то слишком медленно, как будто опасался отводить взгляд от матери. Он, слегка нахмурившись, смотрел туда, где была машинка, как будто не мог поверить, что та пропала. Выражение непонимания от того, что вещи, оказывается, могут изменить свое местоположение было настолько искренним, как будто он был великим математиком, который не смог сделать домашнее задание по математике своего сына восьмиклассника.

– Не хочу, – нервно двигая пальчиками по листам и, слегка дернув левым плечом, сказал мальчик, глядя в землю.

– Будет весело, – ободряюще погладив ребенка по плечу, сказала Ира, – иди.

Даниил поднялся с земли. Он, продолжая смотреть в землю, медленно и как-то нервно пошел в сторону песочницы, вначале поддергивая подол футболки, а после сложил пальцы замком, иногда нервно меняя пальцы местами. Как будто пытался похрустеть суставами.

Ира с волнением наблюдала за этим. Пока у неё не было ребенка, она и предположить не могла, что для неё когда-либо будет так волнительно разговор пятилеток.

Даниил шел криво, какими-то странными зигзагами, несколько раз обернувшись на мать, как будто хотел отложить разговор с другим ребенком. Он ссутулился, как будто пытался спрятать голову, изображая своеобразную черепаху. Все так же ломая пальцы.

Он встал возле мальчишки с его машинкой, слегка раскачиваясь. Другой ребенок сидел в песочнице, испачкавшись в песке, казалось, полностью. Даже к его футболке с супергероями прилип песок, а в светлых волосах были песчаные комки. Он сложил губы трубочкой издавая странные звуки, едва похожие на звуки, что издавали машины, и водил машинкой по бортику песочницы.

Он поднял голову, глядя на стоящего рядом Даниила, нахмурившись, пародируя взрослых.

– Давай поиграем вместе, – тихо предложил мальчик, казалось, ещё больше сжавшись.

– Во что? – мальчик опустил голову и начал опять водить машинкой по бортику издавая «жжж», при этом немного слюны вылетало через расселину, где раньше был зуб, который недавно выпал. Она скапливалась в уголках рта, немного пузырясь.

– Мы можем разобрать машинку, – предложил Даниил, как будто опасливо, отходя назад, – я покажу.

Пока мальчик отвлекся, Даниил схватил машинку, загораясь интересом и увлеченностью. Его зеленые глаза вспыхнули сапфирами, а четкие бровки приподнялись – у него всегда было такое лицо, когда он чем-то увлекался. А такое было не раз, пусть он был и немного апатичным, бывало, что его начинали интересовать совершенно различные вещи. Особенно у него вызывал интерес узнать, что же находится внутри или как что-то работает.

Он разобрал и сломал часы, что стояли на тумбе в комнате Иры и Пантелея, но не получил порицания. Его родители считали, что нельзя наказывать любознательность. Он не играл с мягкими игрушками, как множество детей. Не спал с ними, не давал им имена, не представлял, что это его друзья, с которыми он устраивает чаепитие.

«Они же неживые», – искренне непонимающе говорил Даниил, на вопросы Иры, почему тот не играет с очередным мишкой или пингвинчиком.

Он с поразительной пронизательностью отвечал, что игрушкам не больно, потому что они не живые, когда Ира спрашивала, в очередной раз, почему он порвал мягкую игрушку и сделал ей больно. Ему было интересно, что внутри, почему они мягкие, как они устроены.

Где-то несколько недель он разрывал все игрушки, препарировав их подобно хирургу, такой же сосредоточенный и увлеченный. А после его интерес к этому стих и он игнорировал всевозможных плюшевых мишек и зайчиков, как будто убедился, что внутри они все одинаковые.

Мальчишка не успел и слова сказал, как Даниил с поразительной ловкостью надавил на стык машинки и та хрустнув разделилась на две части, ровно посередине.

Несколько секунд мальчик молчал, а потом, как могут только дети, пронзительно заплакал. Крупные слезы катились по его грязному лицу, оставляя светлые, чистые полосы. Казалось, он не плакал вовсе, а просто верещал.

Крикнув: «ты плохой», он бросил в лицо Даниила жмень песка и вытирая лицо грязными кулачками побежал к маме, врезавшись в неё, обхватил за талию, обнимая, все так же плача. Непонятно нудя о мальчишке, который сломал его машинку.

Даниил плюхнулся на землю, уронив куски машинки и прижал ладони к лицу, пальцами надавливая на глаза. Ира подбежала к нему, тут же присев у своего ребенка на корточки и положила ладонь ему между лопаток, обеспокоенно пытаясь заглянуть ему в лицо. Но мальчишка тер и давил на глаза, а слезы катились по лицу, казалось, без его ведома.

– Глаза болят, – всхлипнул мальчик.

– Пошли домой, малыш, – погладив его по плечу, сказала Ира, дрожащим голосом, – мы промоем их водичкой и они не будут болеть.

Даниил кивнул и Ира подняла его на руки, прижимая своего ребенка к груди. В её горле был ком от мысли, что это её вина, что её ребенок теперь плачет. Не скажи она ему, чтобы он подошел к тому мальчишке, позволь она ему делать, что ему нравится, никто не кинул бы в лицо её мальчика песок.

Чувство вины давило на неё грузом, который хотелось разделить с кем-то. Глядя на то, как её сын смешно отплевывается от воды, хихикая и игриво отбивается от её рук её чувство вины становилось лишь сильнее и ей хотелось расцеловать Даниила в щеки, крепко прижав к груди.

Но её беспокойство не проходило, ей нужно было поговорить с кем-то по поводу социализации Даниила. Сказать о своих опасениях из-за того, что, казалось, Даниил слишком сильно отличался от остальных детей. От того, она ждала до позднего вечера, когда Пантелей вернётся с работы. Она смотрела неосмысленным взглядом какой-то фильм, который показывали по телевизору. Ира практически не слышала, о чем говорят герои, сделав звук как можно тише, чтобы не разбудить Даниила, которого уложила спать несколько часов назад.

Пантелей был полицейским от того часто задерживался на работе и Ира смирилась с этим. У них была молчаливая договоренность, что если он не приходит к определенному времени то Ира идет спать, а не дожидается его, пытаясь не уснуть.

Она всегда просыпается на несколько секунд, когда он возвращается и ложиться в их постель, обнимая её сзади. Перед этим, он всегда заходит в комнату Даниила, глядя на спящего сына. Иногда он приглаживает мягкие, темные волосики сына, от чего мальчишка забавно морщится и ворочается, утыкаясь носом в подушку, как будто пытается уйти от прикосновения.

Заскрипела входная дверь и ключи негромко цокнули, когда Пантелей положил их на тумбу. Уже было поздно и он старался не шуметь, полагая, что жена и сын уже спят. От того, когда он увидел Иру на диване, подтянувшую к себе ноги, он на секунду замер удивленный, а после слегка взволновано нахмурился, думая самое худшее.

– Что случилось? – спросил мужчина подходя к девушке.

Она негромко заговорила, рассказывая о своих беспокойствах, что были пронизаны виной из-за сегодняшний случай.

– Послушай, – присев на корточки перед женой и взяв её руки в свои, сказал Пантелей, глядя в её глаза, – с ним все нормально. Он просто очень умный мальчик, потому ему скучно со сверстниками. Он пойдет в школу и все наладится. Он найдет друзей.

– Наверное, ты прав.

На переменах было шумно, слишком шумно. Дети бегали по коридорам, играя в догонялки или ещё какие игры, девчонки пищали и кричали, находя это забавным, а мальчишки громко смеялись или переругивались между собой.

Учителя постоянно ловили бегунов за шиворот и едва не оттягивали за уши, угрожая отвести к директору. Но те, как только их отпускали тут же начинали бегать опять. Самые трусливые проходили метров десять и уже потом начинали бежать, как будто это уменьшало вину или демонстрировало, что на самом деле он послушался учителя. Некоторые ждали пока дежурный учитель отвернется.

Даниил не находил ничего интересного в беготне по коридору. Ему, как и его одноклассникам было двенадцать, но он был едва ли не единственным в классе среди мальчишек, который не бегал на переменах. Впрочем, его и не приглашали поучаствовать.

У него было такое чувство, что он был единственным в школе, кто ждал, когда закончится перемена из-за непрекращающегося шума, от которого ему казалось у него в черепной коробке взрываются маленькие петарды, которые обожали бросать под ноги его одноклассники.

Те находили забавным забрасывать всех этими громкими игрушками. А после они разбегались во все стороны, подобно тараканам, чтобы их не поймали и не оттаскали за уши.

Они часто бросали Даниилу под ноги петарды. Однажды он едва на неё не наступил. У него начинало звенеть в ушах, а все тело пробивала крупная дрожь. Казалось, каждая мышца его тела содрогалась.

Он обнимал себя за плечи, опуская голову, пряча лицо и крепко зажмуривая глаза, как будто пытался сжаться в один маленький атом. Ему нравилось представлять, что он может сжаться в один, невероятно плотный атом, такой, который был до Большого Взрыва.

Те, кто бросал петарды, а это были не только его одноклассники, но и парни с других классов, громко смеялись, от чего его пробивала ещё большая дрожь. Они строили ему какие-то рожи и от этого начинали смеяться ещё больше, пока их не разогнал учитель. Но в последнее время учителя не обращали на это практически никакого внимания, считая, что мальчишки уже взрослые и сами разберутся.

От того бывало не раз, что Даниил стоял окруженный со всех сторон, перед глазами все плыло от непролитых слез, его тело дрожало, а мальчишки продолжали хохотать и выкрикивать что-то, опять и опять бросая в него петарды, заставляя отходить в разные стороны, пытаясь избежать их.

Это продолжалось пока им это не надоело. Раньше им это надоело довольно быстро, но однажды он заплакал. Он даже не осознал этого, просто с его глаз катились слезы, как будто в них опять насыпали песка и он инстинктивно пытался очистить свои глаза от колючих песчинок. Это вызвало у мальчишек взрыв хохота и с тех пор, казалось, они поставили себе цель довести его до слез. Они продолжали бросать в него петарды, громко выкрикивая оскорбления и шуточные фразы, от которых, впрочем, Даниилу совершенно не было смешно, напоминая о его слезах.

Потому учеба стала для него настоящей пыткой. Он ждал конца занятий не ради того, чтобы пойти с друзьями гулять или просто из-за детской радости, что занятия закончились и можно наслаждаться свободным временем. Он ждал окончания учебного дня, чтобы спрятаться в своей комнате, подобно тому, как черепахи прячутся в своих панцирях.

Ему нравилась его комната, он накидывал на плечи одеяло и чувствовал себя спокойней. Ему казалось, что только в своей маленькой, добровольной тюрьме-комнате может дышать спокойно, без постоянных взглядов и насмешек.

Ему нравилось учиться и узнавать что-то новое, но он казался сам себе каким-то умственно отсталым. Задания, которые говорил учитель были понятны абсолютно всем, кроме него. А его вопросы и путанные ответы, казалось, заставляли учителей разочаровываться в нем. Он не понимал, как он может сказать в чем главная суть очередного литературного произведения. Не мог ответить ничего внятного, когда его просили описать чувства, которые он ощущает при взгляде на картину гения изобразительного искусства.

Была очередная перемена, большая часть учеников ушла в столовую, от того в коридорах практически никого не было и даже дежурные учителя ушли на обеденный перерыв, покинув свои посты наблюдения.

От того Даниил и не хотел идти в столовую. Там было слишком много людей. Слишком шумно и это заставляло его сжиматься, а где-то в груди, казалось, нарастал комок паники, который вибрировал, рассылая дрожь по всему телу.

От того он носил с собой бутерброды.

Он был любопытным ребенком и ещё в первые годы учебы бродил по коридорам, заглядывая за тумбы, шкафы, в пустые коридоры и открытые двери. От чего уже тогда на него смотрели одноклассники, как будто он какая-то экзотическая, но тупая зверушка.

Но благодаря этому он нашел свое любимое место в школе, где мог спрятаться и попытаться успокоиться. Когда он сидел в полумраке, прижавшись спиной к старой двери его дрожь медленно сходила на нет, а дыхание выравнивалось. Вдохи становились не такими короткими, какими-то обрывистыми, от которых болело горло и в груди.

Если спуститься на первый этаж существует один пролет, который ведет в подвал. Дверь в него плотно закрыта и туда никто и никогда не ходит. Казалось этот пролет и двери остались лишь как дань прошлому, как вещи, которые вместо того, чтобы выбросить целенаправленно складывают на верхнюю полку шкафа и больше никогда оттуда не достают.

На двери был массивный, металлический замок и к ней был пододвинут пустой, перевернутый деревянный ящик, на котором любил сидеть Даниил, подтянув к себе ноги. В особенно тяжелые дни, он сгибал ноги и утыкался лбом в колени, обнимая себя за плечи, становясь ещё меньше, чем есть. Ему хотелось занимать как можно меньше места, как будто это давало ему немного успокоения и безопасности. Иногда он так крепко прижимал лоб к коленям, что на нем оставались розоватые круги.

Лампочка была старая с черноватым налетом, как бывает в заброшенных зданиях и никто не спешил её менять из-за того, что сюда не было нужды ходить. Даже любопытные школьники сюда не заходили, потому что не видели смысла. Все знали, что здесь полумрак и одинокая старая дверь и от того интерес ни у кого не просыпался.

Лишь Даниил находил в этом что-то романтично-трогательное, как будто место из прошлого. Ему нравилось представлять, что с каждым шагом в полумрак он все дальше и дальше отходит в прошлое, как будто он персонаж какого-то научно-фантастического фильма, в котором есть параллельные вселенные и порталы.

Когда он здесь, возможно, по школе бегают не его одноклассники, а их родители. Его отец ещё его одноклассник и даже не задумывается о детях.

Когда ему приходится уходить с этого места, он чувствует разочарование, которое ему удается утомить мыслями, что любое путешествие во времени опасно и, если надолго задержаться в прошлом, портал может закрыться и он больше никогда не сможет вернуться назад.

Он большую часть перемен сидел на ящике, возле него лежал пакет, с которого он достал бутерброд. Он почти доел, когда услышал грохот. Это был единственный недостаток этого места – когда кто-то бежал по лестнице на пролет выше этот звук звучал громкоподобным эхом. Казалось, что этот звук ударяет по ушным перепонкам. Его одноклассники любили перепрыгивать через ступеньки две, а бывало и три. Чемпионы в этом бессмысленном состязании могли перепрыгнуть через четыре или пять ступенек.

И каждый такой прыжок, как будто, отдавал гонгом в его голове.

Наверняка очередной мальчишка, по звуку, перепрыгивает через три-четыре ступеньки. Когда тот хватался за металлический поручень, чтобы не упасть, становилось ещё более шумно, а поручень вибрировал с еле слышным гулом.

Даниил отложил пол бутерброда, прижав ладони к ушам, зажмурив глаза. Он сильно надавливал на уши, до боли, которую, он казалось, не чувствовал из-за боли от шума. Он не находил в таких ситуациях ничего странного. Существует же чувствительность к громким звукам и не зря же говорят, что, чтобы перестало болеть одно, нужно ударить по второму.

Потому ничего удивительного, что при таких сильных головных болях он не чувствовал боли, даже если прокусывал губу до крови.

Он сжался ещё сильнее, когда после нескольких секунд тишины, раздался ещё более невыносимый грохот. Поручень задрожал, металлический скрежет, когда за тот схватились, и раздалось несколько ударов, а после удивленный вскрик.

Даниил приоткрыл удивленно рот и распахнул глаза, все так же прижимая руки к ушам, глядя на одноклассника, который свалился с лестницы в нескольких метрах от него. Несколько бесконечно долгих секунд нависала оглушительная тишина. Даниилу казалось, что старая теория про эфир неожиданно подтвердилась, а воздух, все пространство вокруг него, пропитала загадочная субстанция, которая скручивалась в спирали, вращалась, напоминала небо на «Звездной ночи».

Но реальность навалилась на него, подобно неподъёмному грузу. Он смотрел на валяющегося на полу и скулящего, подобно щенку, мальчишку. Он скатился с лестницы, упав в вековую пыль этого, практически, подвала, от чего белая рубашка, которую его мать любовно выглаживала, стала сероватой. С несколькими черноватыми особенно заметными пятнами. Правый рукав порвался и в ошметках ткани было видно тонкую, мальчишескую руку на которой уже расцветал продолговатый багрово-синий синяк с яркими точками кровоизлияния.

Когда его нога соскользнула с края ступеньки, он попытался схватиться за поручень, что тянулся вдоль лестницы, но рука лишь застряла между двумя металлическими жердями. Синяк, казалось, испепелял болью кожу. Обжигающе-горячая боль распространялась по руке, как будто он не ушиб её, а прислонился к раскаленному металлу.

Но более всего болела левая нога. Он слышал хруст и несколько секунд боли не было, а после она ударила по рецепторам, заставляя его хныкать, а слезы катились по ещё детскому личику, смывая пыль.

Он бессознательно тянулся к поврежденной ноге, подобно слепому котенку, шаря руками, но каждый раз их одергивал, начиная всхлипывать громче, когда чувствовал резкий, новый прилив боли или ощущал некую неправильность в своей конечности.

Его нога была неестественно повернута, что вызывало у Даниила кислый комок тошноты в горле, который он не мог проглотить. Штанину пробил белый, острый осколок кости, а вокруг него ткань уже пропиталась бурой кровью.

Кость поблескивала в тусклом освещении, покрытая то ли спекшейся кровью, то ли ошметками мышцы.

Даниила пробивала крупная дрожь, он смотрел на своего одноклассника, который потерял всю свою браваду, всхлипывал и постанывал. Хотя всегда был одним из организаторов всех шуток над ним. Всегда громко смеялся, бросался шуточками и задира нос. Всегда первый на физкультуре, чтобы перепрыгнуть через козла или бросить ему в голову мяч, или чтобы запихать в его рюкзак петарды, а после громко смеяться, подобно лошади, от того как Даниил испугавшись дергается, отдергивая руку.

Сейчас Даниил сутулился, казалось, даже не дышал, не желая, чтобы его заметили. Но одноклассник все равно открыл глаза, затуманенные слезами и болью и прищурился, как будто не верил своим глазам или то, что он видел было очень размыто, подобно чему-то на дне мутноватого водоема.

Даниил вжался спиной в двери до боли, наверняка, завтра на торчащих лопатках появятся темные синяки.

– Цвирко, – всхлипнул мальчик, с шипением болезненно втягивая воздух, через сжатые зубы, – позови учителя. Помоги, помоги мне.

Даниил ещё сильнее вжался в двери, чувствуя, как острый край криво забитого гвоздя надавливает на кожу, в том месте тут же стало горячо, как будто выступившие капли крови были каплями лавы.

Он вжимал пальцы в предплечья, от чего кончики пальцев побелели, а на предплечьях наверняка останутся небольшие точки-синяки. Его зелено-коричневые глаза были широко распахнуты, а взгляд такой неосмысленный, что складывалось впечатление, что он совершенно слеп.

– Даня, – заныл мальчишка и Даниил дернулся, как будто его неожиданно ударили.

Он никогда не называл его Даней, он никогда даже по имени не называл. Всегда Цвирко, если не что-то похуже. Чаще всего это обидные, полуцензурные прозвища.

Даниил аккуратно спустил ноги с ящика, все ещё обнимая себя, не сводя взгляда, широко распахнутых глаз, с одноклассника. Ему казалось, что его зрение в одно мгновение приобрело способность фотографировать увиденные картины и отпечатывать их в мельчайших деталях у него в голове.

Кровь, что пропитывала штанину, торчащая кость, пальцы, испачканные в крови и несколько полос размазанной крови на грязном полу. И полное страдания лицо.

Его одноклассник что-то продолжал говорить, но Даниил не слышал ничего кроме бие-ния сердца в своих ушах.

Чтобы выйти ему нужно было пройти возле своего одноклассника, но одна мысль об этом как будто ушат холодной воды обливала его и вызывала крупную дрожь и холодный пот.

В ушах не прекращался гул, подобный белому шуму, а губы его одноклассника продолжали шевелиться в просьбах, но Даниил не слышал ни слова. Он видел, как искажаются черты его одноклассника, болезненно морщится лоб и дрожат губы. Но внутри не было никакого отзвука сочувствия или же желания прекратить страдания мальчишки. Он совершенно

не думал об этом. Как будто это был не живой человек, а плюшевая игрушка, чей шов разошелся.

Ногти впивались в кожу, оставляя кровавые полумесяцы на ладони Даниила. Он сделал неуверенный шаг в сторону своего одноклассника, не сводя взгляда с него. Его одноклассник сжимал веки, наверное, из-за боли, но слезы все равно катились.

Он открыл их, когда услышал, или же скорее почувствовал, приближение Даниила и крупно вздрогнул от чего тут же всхлипнул и захныкал. Ногу пронзила очередная обжигающая волна боли из-за движения.

В тусклом свете глаза Даниила на его бледном лице казались обжигающе зелеными, холодными, похожими на стеклянные глаза фарфоровых кукол. Его синяки под глазами, казались практически черными, от чего создавалось ощущение, что вместо глаз у него впадины на дне которых клубится зеленое, холодное пламя.

Даниил все время кусал губы и сейчас они казались неестественно красными, с множеством ранок. Он вызвал в душе и так испуганного мальчишки какой-то инстинктивный ужас.

– Даня, – хриплым шепотом начал он, – пожалуйста, Даня, позови кого-то.

Все это как будто происходило не с Даниилом, ему казалось, что он будто смотрит за чьими-то действиями со стороны. Инстинктивно совершает какие-то телодвижения даже не задумываясь и без возможности вспомнить потом делал ли это он.

Он зашел в кабинет за своим рюкзаком, но, когда пришел домой он не помнил как сделал это. И тем более он не помнил был ли кто-то в кабинете или нет. Тогда там сидело несколько мальчишек и три девочки, которые его проигнорировали, но мальчишки вслед закричали парочку обидных фраз, за которыми скрывали любопытство по поводу того куда же он направляется.

Он пришел домой раньше обычного. Его мама сидела в комнате и смотрела телевизор, укутавшись в плед. Она немного наклонила голову, разглядывая сына и поинтересовалась почему он так рано. Даниил не задумываясь сказал, что у него немного болит живот.

Ира улыбнулась сыну и похлопала рукой рядом с собой, приглашая его присоединиться. Он оставил рюкзак на полу в коридоре и присел рядом с мамой, прижавшись к её боку. Его плечи обняла тонкая мамина рука. Ира в последнее время очень похудела и постоянно мерзла от чего куталась в одеяла и пледы.

Даниил положил голову на мамино плечо, неосмысленным взглядом глядя на экран телевизора, там показывали какое-то бессмысленное шоу. Его волосы нежно поглаживали, перебирали темные пряди и убирали их с глаз. Даниил расслабился под касанием материнской руки, прикрыв глаза. Ему казалось, что напряжение, что все это время сковывало его, делая его движения прерывистыми и какими-то резкими, наконец-то отпустило его.

Они долго сидели в тишине, вскоре, мама накинула и на него плед и они наслаждались молчаливой компанией друг друга. До того времени как не затрещал телефон. Его звук разрезал привычный шум телевизора и еле слышный гул улиц. От его резкого звука у Даниила головная боль вспыхнула подобно вспышке перед глазами.

Ира вставала медленно, как будто её конечности затекли или же как будто она в мгновение постарела до восьмого десятка. Она шла к телефону так невыносимо медленно.

Даниил подтянул к себе колени и плотно зажмурил глаза до цветных кругов. Плотно прижал руки к ушам, пытаясь заглушить резкий звук телефона.

– Алло, – ответила его мать.

Даниил не слушал слов, он слышал только встревоженную интонацию. Ему казалось, что произносимые слова были иностранном языке. Но гораздо позже, лежа в своей кровати он мог восстановить этот разговор, повторяя его мысленно, как будто реставрировал произведение искусства.

Его мать положила трубку домашнего телефона и какое-то время стояла возле тумбы на которой он стоял, смотря перед собой. А после так же медленно начала возвращаться слегка шлепая босыми ногами. Ира замерла над сжавшимся Даниилом и стояла так несколько секунд, а после присела на корточки и отняла его руки от его ушей, надеясь, что тот посмотрит на неё.

Её намерение осуществилось и Даниил посмотрел на неё большими, влажными глазами, глядя в которые Ира не могла даже допустить, что её ребенок может навредить кому-то намеренно. Или не прийти на помощь нуждающемуся.

– Милый, звонила твоя учительница, – она сделала паузу, как будто хотела быть уверенной, что мальчик её понимает, – она сказала, что сегодня твой одноклассник упал и сломал ногу.

Даниил продолжил молчать даже когда Ира сделала паузу, как будто надеялась, что мальчик сам заговорит с этого места. Но он продолжал молчать, глядя широко распахнутыми глазами на свою мать.

– Он сказал, что ты был там, но не позвал на помощь. Это так, милый?

Даниил не сказал ни слова, глядя на мать, как будто пытался осознать происходящее. Казалось, они оба задавались одним и тем же вопросом – было ли это правдой.

– Милый, почему ты не позвал кого-то?

Даниил как-то рвано пожал плечами в одно мгновение становясь похожим на ребенка пяти лет. Ира же вздохнула не зная что делать. Должна ли она наказать его? Ни в одной книги про воспитание детей не было главы о том, что делать если твой ребенок оставляет своего одноклассника с открытым переломом ноги. Его нашли спустя только двадцать минут, потому что это была большая перемена и все были в столовой. Одноклассники говорили, что видели Даниила, когда он зашел в кабинет и забрал рюкзак. Он ведь мог им сказать, но он просто молчал, не сказал ни слова.

– Иди в свою комнату, – тихо сказал Ира, вздохнув.

Даниил пошел в свою комнату и запер за собой дверь.

Он сидел в своей комнате до самого позднего вечера. Время скакало неравномерно. Иногда одна минута длилась бесконечно, иногда час длился не дольше мгновения.

Он лежал на своей кровати, когда открылась входная дверь.

Он сразу же понял, что это пришел отец. За окном уже было черным-черно. Отец нередко приходил поздней ночью усталый морально и как будто постаревший, навидавшись ужасов людской души.

Даниил слышал негромкий разговор между родителями. Он не мог расслышать всего, лишь отрывки фраз, но зная интонацию и своих родителей он мог предположить о чем они говорят. Его мать обеспокоенным, иногда срывающимся, голосом, рассказала о звонке учителя, шепотом прибавив свои ощущения о том, что их сын в этом совершенно не раскаивается.

Пантелей, положив руку на плечо жены, успокаивающе сказал, что ничего страшного не случилось и их сын просто испугался, а такое бывает. Это не значит, что он плохой человек. Он поддался панике.

Вскоре Ира успокоиться и, вздохнув, согласится с правотой Пантелея.

Он всегда умел её убеждать своим низким, размеренным голосом. Слова всегда были наполнены уверенностью. Создавалось впечатление, что он вовсе не может ошибаться.

Даниилу казалось, что должно что-то измениться. Ведь это такая распространенная ошибка думать, что с изменениями в тебе изменяется и мир вокруг.

Он уснул с картинками крови и осколком кости перед глазами. Как будто этот момент, подобно картинке, что переводят на кожу, остался на внутренней стороне век.

Возможно от этого ему всю ночь снились сюрреалистичные кровавые картины, где людей выкручивает с хрустом костей, как будто они не живые существа, а какая-то тряпка после стирки и её отжимают от лишней воды. Все заливало неестественно густой кровью, напомина-

ющей сироп. Он проснулся, когда смотрел на свои ноги, что были по колено в крови. Он вглядывался в неё до тех пор, пока по всей поверхности крови не раскрылось с десяток, с сотню глаз. Они моргали и смотрели на него. Он проснулся от ужаса, резко сев, глубоко дыша. Он весь был покрыт потом из-за которого его пижама прилипла к коже. Несколько прядей волос прилипли к лицу и щекам.

Даниил зачесал пальцами волосы назад. Они были влажными и запутанными, пальцы застревали в темных прядях от чего неприятно тянуло кожу головы.

Мерно стучали часы на стене и Даниил посмотрел на них. Уже скоро нужно было вставать, потому он решил не ложиться спать опять, впрочем, зная, что он все равно не сможет уснуть.

Ему казалось, что он до сих пор может чувствовать взгляд того множества глаз.

Он опустил ноги с кровати, ковров не было и по утрам и вечерам в квартире было холодно. Босые ноги тут же замерзли и по спине побежали мурашки. Он быстро прошлепал по коридору по направлению к кухне. В квартире стояла тишина и казалось кроме его шагов никаких звуков не было.

Отца опять не было. Наверняка, вызвали вместе с рассветом. Это было не впервой. Мать ещё не проснулась. Даниил видел в приоткрытые двери её фигуру под грудой теплых одеял.

Он сел на табурет на кухне, слушая мерное постукивание часов. Почему-то почти в каждой комнате у них висели часы, на кухне тоже. Он слушал их, размышляя. Его не отпускала мысль, что же его ждет сегодня в школе. Ему казалось, что ему не забудут просто так, что он оставил одноклассника лежать под лестницей со сломанной ногой.

Даниил чувствовал как его сердце загромождено бьется в панике от ужасающих мыслей, что его ждет. Он знал, что воображаемые ужасы часто преувеличены, если не всегда так. Но сейчас ему казалось, что так и будет. За этими мыслями время летело ужасающе быстро, приближая его к часу, когда нужно идти в школу. Он до безумия хотел оттянуть этот момент, даже появились мысли прикинуться больным или же просто не пойти в школу. И эти мысли были соблазнительными, хотелось поддаться их соблазну и спрятаться от проблем и страхов, подарив себе ещё немного времени в панцире своей квартиры.

Каждый шаг в сторону школы казался ему шагом к своей гибели. Когда ты юн любая трагедия для тебя сравнима с концом света, он прекрасно это знал. Но знать, оказывается, недостаточно, чтобы побороть свои чувства. Обозначить что-то абсурдным страхом, оказывается недостаточно, чтобы избавиться от него.

В школе было шумно, как всегда. Как всегда кто-то бегал по коридорам и казалось на него не обращали внимания, но он все равно вцепился в лямки рюкзака, как будто это было его единственной опорой и опустил голову, глядя только на пол и на носки своих ботинок.

Когда кто-то смеялся недалеко от него, он сжимался ещё больше. Он не мог избавиться от мысли, что это смеются над ним.

Даниил пришел практически к началу урока, преподаватель был уже в кабинете и скудую раскладывал какие-то бумаги по своему столу. Учительница подняла на него холодный взгляд поверх очков и Даниил ещё крепче вцепился в лямки рюкзака. Ему всегда казалось, что она чувствует к нему некое брезгливое равнодушие, но сейчас её глаза горели холодным презрением. Обжигающе холодно и пронзительно. Одного взгляда ему хватило, чтобы понять, что больше ему не стоит рассчитывать на её благодушие или защиту.

Его одноклассники смотрели на него. Они ничего не делали, только смотрели, но эти взгляды, казались такими до ужаса болезненными от чего хотелось спрятаться от этого мира.

Он сел за свою парту и начал доставать вещи. Казалось, они думали, что если он сосредоточен на своих вещах, он не слышит как они переговариваются и иногда в этих разговорах мелькает его имя. Он слышал имя своего одноклассника, что сломал ногу и ужасающее «двадцать минут!», на которое его одноклассники упорно делали ударение.

Даниил сидел на медицинской кушетке, глядя в окно. Там ярко светило солнце от чего стекло окна слегка переливалось. Он с поразительным упорством смотрел на солнце, которое, казалось белым ярким всплеском света. Его глаза начинали слезиться, но он почему-то не отворачивался.

Он уже успел заметить, что, если долго смотреть на солнце позже перед глазами все бесприсветно черное и лишь спустя какое-то время картинки перед глазами начинают светлеть, начиная с края.

Он как какой-то экспериментатор повторял одно и то же в надежде на другой результат или же желая получить более точные данные.

Ира не сразу заметила его пристрастие до боли в глазах рассматривать солнце. А как только заметила в испуге начала прикрывать ему глаза ладонью и даже несколько раз взволнованно накричала, положив ладони на щеки сына, глядя ему в глаза.

Тот моргал, пытаясь вернуть себе прежнюю четкость зрения, чтобы видеть лицо матери и это только ещё больше её пугало.

Даниил был её первым ребенком и она знала лишь, что детское любопытство – это нормально. Но она не знала где та грань, за которой заканчивается нормальное детское любопытство.

Ни в одной книге про воспитание детей, которую она читала, не говорилось, что делать если твой ребенок рассматривает солнце слишком часто и слишком долго. Ни одного достоверного источника, который может сказать нормально это или нет.

От того она, поддавшись интуиции, как и многие родители, взволнованно доказывала Даниилу, что так делать нельзя, угрожая тем, что он ослепнет. Но мальчик, с поразительным скепсисом для своего юного возраста, сказал, что не верит, что солнце может сжечь его глаза, поскольку то слишком далеко.

Но в этот раз они пришли в больницу по другой причине.

Даниил был достаточно взрослым, чтобы Ира не боялась оставлять его одного на улице пока он что-то делал во дворе, она полагала, что тоже, что и другие мальчишки. Бегал, шутил, возможно, задирали девочек. Это все ведь нормальный период взросления, тем более Даниил всегда приходил вовремя и никогда не клянчил ещё пять минут, покорно приходя в указанное время и шел мыть руки.

От этого Ира и Пантелей не могли нахвастаться своим ребенком, авторитетно говоря своим друзьям, у которых были проблемы с послушанием детей, что все дело в авторитете и воспитании.

Знакомые каждый раз сюсюкали с Даниилом, говоря, какой он хороший мальчик, как будто он был не ребенком, а хорошо дрессированным псом. А после, поджимая губы, авторитетно заявляли о то, что Ира и Пантелей, наверняка, бьют своего ребенка, а может и вовсе дают какие-то лекарства. Говорили о том, что мальчик заторможенный, апатичный и вообще не такой, каким положено быть обычному ребенку. Наверняка, он умственно отсталый, говорили они, уверенно кивая, как будто могли безоговорочно и безошибочно ставить диагнозы.

Было жаркое лето и Ира, вспоминала года своего детства и то, как ей было весело. Во взрослой жизни не может быть так незабываемо весело, как когда ты ребенок. Тогда звуки громче, краски ярче, а мир неописуемо прекрасен и интересен. От того, желая создать своему ребенку такие же поразительно яркие воспоминания она отправляла его поиграть во дворе. Но Даниил должен был вернуться в три дня, чтобы пообедать и уже после мог пойти ещё на несколько часов.

Она включила какую-то программу по телевизору и гладила вещи. Ира даже не имела понятия, какая передача транслируется. Ей просто нравились голоса на фоне, они отвлекали и делали обычные домашние обязанности не такими нудными.

Из-за жары и раскаленного утюга она вспотела и футболка прилипла к телу, а на лбу скопились крупные бусины пота, которые она вытирала периодически предплечьем.

Хлопнула входная дверь и Ира бросила быстрый взгляд на настенные часы. Их дала ей её мать. Часы были большими, коричневыми с фигурными стрелками. Они показывали без пяти три.

Послышались шаги небольших ног и в комнату зашел Даниил в не по размеру больших и грязных шортах, Ира не хотела давать ему надевать во двор новые вещи. Даниил постоянно садился на землю или траву и вещи после было практически невозможно отстирать.

Он всегда подходил к ней, когда возвращался, это было что-то похожее на их семейную традицию и даже спустя года, когда он шагнет на путь подростковости он по привычке будет говорить, что вернулся домой по возвращению.

– Как погуляли? – спросила Ира, выключая утюг.

Она приготовила на обед суп и тот остывал на плите. Она решила дожидаться Даниила, чтобы пообедать вместе с ним.

– Нормально, – сказал мальчик.

– Пошли мыть руки и кушать, – улыбнувшись, сказала женщина и мальчик послушно кивнул.

Ира понимала, что иногда говорит с Даниилом, как должна была говорить несколько лет назад, когда тот был ещё совсем крошкой. Сейчас Даниил был слишком взрослым для такого и не смеялся как раньше, когда с ними сюсюкали. Но Ире казалось, что прошло всего несколько недель с тех пор как она взяла его впервые на руки.

Она давно услышала фразу, что для родителей их дитя всегда будет ребенком, но она воспринимала эту фразу, казалось, до конца не понимая смысла. Сейчас она осознавала, что, как будто, не готова принять взросление своего мальчика. И пусть иногда, особенно, когда усталость наваливалась неподъемным грузом, ей хотелось, чтобы Даниил стал взрослым побыстрее, но после она жалела об этих мыслях.

Ей казалось, что она скучает каждый день по вчерашнему дню. Когда Даниилу было два года, она скучала по нему годовалым, потому что тогда у него были до безумия большие, наивные глаза и он тянул к ней свои крошечные ручки.

Когда ему было три, она скучала по двухлетнему Даниилу.

Она положила ему руку на спину, немного ниже шеи, ведя его в ванную мыть руки. На мальчике была слегка большая для него футболка, от того ворот был немного ниже положенного и Ира чувствовала своей ладонью неприкрытую кожу спины своего сына. Та была мягкой, влажной и слегка липкой от пота, она была покрыта едва ощутимыми тонкими, мягкими волосками.

Рукава футболки заканчивались немного выше локтя. Тонкие руки Даниила, казались ещё тоньше, напоминали тростиночки. А локти казались слишком острыми, костлявыми и хрупкими.

Ира стала за спиной Даниила, когда они подошли к раковине и включила воду. Раковина была Даниилу до груди и чтобы взять мыло ему приходилось тянуться вперед, но уже не приходилось становиться на носочки, как раньше. Но Ира по привычке взяла жидкое мыло и налила его в ладони, сложенные лодочкой, сына.

Она едва ли не цокала языком, глядя на то какая бурая становится пена.

Женщина прищурилась, заметив что-то ярко красное на руке сына и как только тот смыл пену она аккуратно схватила его за запястье, поворачивая его руку, чтобы лучше рассмотреть это нечто.

Кожа была воспаленной, а в центре были грязно-желтые пятна. Одно из таких пятен надулось, становясь похожим на волдырь с бурлящим внутри горячим гноем. Возле ожога кожа, казалось, была раскалённой.

– Что случилось? – взволнованно спросила Ира, все ещё разглядывая ожог.

Он не был очень большим, но на детской руке казался чудовищной раной. Тем более у Иры не было ни одного предположения как её ребенок мог получить такой ожог. На улице было жарко, но это совсем не было похоже на обычный солнечный ожог.

Даниил же был совершенно спокойный, смотрел на воспаленную кожу на тыльной стороне левой руки, как будто это вовсе не была его рука и он не чувствовал обжигающей боли.

Он пожал плечами, как делают едва ли не все дети, а после бросил отрывистую фразу со слишком размытым объяснением о том, как появился этот ожог.

Ира нервно прикусила губу и не отпуская руки сына, как будто боялась, что как только сделает это он опять где-то поранится. Она отпустила его руку только когда быстро накинула на себя старую футболку и схватила сумку. Но после она не отпускала его ладони весь путь до больницы. Она сжимала его маленькую ладошку с короткими, тонкими пальчиками. Даниил едва поспевал за ней, несколько раз он споткнулся, но Ира не замедлялась, стараясь попасть в больницу как можно быстрее.

Возможно, она преувеличила и достаточно было просто обработать ожог, но правда была в том, что её испугал не ожог, а поведение Даниила. Она вспоминала себя в детстве, когда кричала и плакала, каждый раз, когда падала. Даже если больно не было. Она вспоминала других детей. Они никогда не молчали, как будто не замечали своих повреждений. И они никогда не причиняли себя боль из-за любопытства. Дети были жестоки, они могли причинить боль кому-то другому из чистого любопытства и природной жестокости, но никогда себе.

Ей хотелось утешения и успокоения, чтобы кто-то кому можно доверять, заверил её, что это абсолютно нормально, а она раздувает из мухи слона. Возможно, она будет выглядеть как истеричка, но накопившиеся сомнения терзали её.

– Что у вас случилось? – улыбаясь Даниилу спросил врач.

У него были добрые карие глаза и седые, густые усы. Он был как ожившая иллюстрация к книге про доктора Айболита. Ира посадила Даниила, помогая ему забраться на обтянутую клеёнкой кушетку.

– Ожог, – объяснила Ира.

– Так, сейчас посмотрим, – сказал врач.

Недалеко от кушетки стояло множество мягких игрушек, чтобы успокоить маленьких, испуганных детишек и врач, наверняка, уже по привычке, взял плюшевую собачку и положил её на колени Даниила.

– Его зовут Гав-гав, – представил мужчину, приподняв плюшевую лапу, в приветствии, – ты ему понравился, и он хочет посидеть с тобой. Я посмотрю где у тебя болит, обещаю, больно не будет, а ты пока поболтай с Гав-гавом.

Даниил нахмурился в недоумении, глядя на собаку и как-то недоверчиво поднял её, после он посмотрел на врача, то ли желая объяснения, то ли желая одобрения.

– Вот и умница. Где у тебя болит?

Даниил протянул левую руку вперед, ожогом вверх, пристально глядя на врача. Тот улыбнулся, привычно воркуя, успокаивая ребенка, а сам потянулся к скляночкам и бинтам.

– Почему ты не болтаешь с Гав-гавом? Он тебе не нравится? – принявшись за обработку ожога, спросил врач, чувствуя пристальный взгляд на своем лице.

Мальчик взял игрушку в правую руку, но казалось та его совершенно не интересовала, и он едва ли не забыл о ней. Он не бросал любопытных взглядом, не двигал мягкие лапы, изображая движение и совершенно не пытался пародировать голоса, имитируя жизнь в мягкой игрушке.

– Нравится, – сказал Даниил, разглядывая как врач начинает обматывать его руку бинтами.

Но он не дергался, даже когда ему должно быть было больно, что вызывало профессиональное беспокойство у мужчины. Такое поведение было не свойственно детям и пусть те были любопытны по своей природе лишь немногие могли рассматривать свои раны и как их обрабатывают и обычно, если они это делают, они непременно хныкали, как будто от наблюдения им становится больнее.

– Я не могу с ним говорить, – казалось, сказал самую очевидную вещь Даниил, – потому что он не живой. И я не могу ему нравиться.

– Вот как? – слегка посмеиваясь, сказал врач, завязав узел на бинтах и встав в полный рост, потрепал мальчишку по голове. Возможно, его беспокойство было напрасным, а мальчишка просто был из того малого процента, что слишком быстро развивается. А возможно, когда-то тот станет великим ученым, а он – его первый врач, будет едва жив из-за старости, но с гордостью скажет, что этот новатор и гений, когда-то был его пациентом и он уже тогда заметил его исключительность.

– Ну что, мамуля, – повернувшись к женщине и только в этот момент заметив её нервозность, сказал мужчина, – беспокоиться не о чем. Небольшой ожог, скоро пройдет. Я выпишу вам рецепт на мазь.

Он уже пошел к своему столу, готовый привычно рассказать сколько раз на дню и как обрабатывать ожог, удивляясь взволнованности женщины, когда та неуверенно попросила его отойти с ней на несколько вопросов.

Он бросил взгляд на ребенка, тот все так же не проявлял интереса к мягкой игрушке и внимательно что-то рассматривал через стекло окна. Послушно кивнул, он отошел ближе к двери, встав близко к женщине, чтобы ребенок точно ничего не услышал, хотя не понимал зачем такая скрытность и что же мать могло так взволновать.

На улице ярко светило солнце, до рези глаз. Но любопытство Даниила к нему не проходило. Солнце было загадочным и непонятым огнем в небе, а смутных объяснений родителей ему было недостаточно.

Он понимал, что оно не способно выжечь глаза – он никогда не видел людей с выжженными солнцем глазами, но способно оставить ожог на коже.

Пока остальные дети бегали по двору и катались на качелях, он сидел недалеко от дома. Там никогда не играли дети, потому что было слишком много стекла, и родители запрещали, угрожая тем, что они могут пораниться и чем-то заразиться. Но Даниилу нравилось играть с переливающимися стеклами.

Он брал разного цвета осколки и рассматривал как те блестят и переливаются разными цветами, но больше всего ему нравилось направлять их на землю и рассматривать какой цвет они создадут на асфальте.

А после он случайно обнаружил, что если направить солнечный зайчик, который он создавал с помощью стекла, на листик то тот темнел и начинал обугливаться до того момента пока не загорался.

Даниил нахмурился в недоумении и провел несколько раз по лучу, думая, что ощущения будут такие, как когда проводишь сквозь поток воды, который вытекает с крана. Но этого не произошло.

В нестерпимом порыве любопытства и желании разгадать тайну стекла, он направил луч себе на руку, чувствуя, как медленно кожа нагревается. Вначале обуглились короткие, светлые волоски, а после кожа начала краснеть. Но он не понимал, что происходит. И это заставляло его продолжать, как будто, в один момент, если он продолжит это делать, перед глазами высветится ответ, подобно титрам в конце фильма.

Мальчик несколько раз моргнув, переведя взгляд с окна на мать с врачом. Она что-то доказывала обеспокоенным шепотом, врач же выглядел сбитым с толку и хмурил густые, седые брови в непонимании.

Он поднял руку, как будто пытался остановить её поток речи. Его лицо, казалось, искажалось мукой и усталостью от бесконечных вопросов от обеспокоенных родителей, которые впадают в панику от обычного прыщика.

Он бросил парочку фраз и, повернув голову, улыбнулся Даниилу, перед тем как ненавязчиво напомнить женщине, что у него есть ещё пациенты, которые действительно нуждаются в помощи.

Даниил шел по коридору, прижимая к груди книгу, опустив голову. Он шел неуклюже-быстро, каким-то пружинистым шагом, стараясь быстрее пройти через коридор, чтобы спрятаться в кабинете. Он чувствовал себя персонажем какой-то игры, который старается как можно быстрее пройти сквозь опасный участок, чтобы укрыться в бомбоубежище.

Волосы падали на лицо, мешая нормально видеть. Ему давно было пора подстричься, ведь волосы становились слишком длинными и он сам давал лишний повод для шуток. Но ему нравилось, что волосы мешают смотреть, ему казалось, что он так менее заметен и он не мог видеть всех этих лиц, искажённых в насмешливых выражениях.

Но он продолжал слышать хихиканье и излишне громкие шутки над ним – специально, чтобы он мог слышать их.

Даниил крепче вцепился в книгу, прижимая её так сильно к себе, что твердые углы врезались в его кожу. Наверняка, после останутся совсем крошечные синяки. Он старался думать о чем-то другом – вспоминал теоремы по математике или вычислять числа Фибоначчи. Старался занять свой мозг чем-то, чтобы не слышать этих смешков, чтобы они не после не всплыли на поверхность ночью, когда он будет пытаться уснуть.

Это было одно из самого ужасного в его положении. Из-за этого ему казалось, что у него нет безопасного места, без этих смешков и обидных слов, что преследуют его.

Когда он лежал ночью на своей кровати, окно распахнуто, от чего штора колышется и бросает причудливую тень на потолок. Все перед гильзами слегка плывет из-за чего кажется, что он в лодке, которая дрейфует по волнам. Но вместо плеска воды он слышит хор мерзкого смеха, напоминающий гул гиен. Перед его глазами стоят гротескно искаженные лица, как будто это не живые люди, а картины каких-то современных художников.

Слова преследуют его, как будто приклеились к его коже. «Урод», «даун», «отсталый». Он не понимает, чем заслужил это. Он не был отсталым – он проходил множество тестов и учеба ему действительно нравилась. Много давалось ему намного легче, чем его одноклассникам.

Один, два, три, пять, восемь – мысленно перечислял он.

Он споткнулся об что-то, хотя он не тешил себя мыслью, что это была случайность. Это было уже традицией – ставить ему подножки. Не проходило и дня без этого.

Коридор залился громким смехом, его обступили, мешая убежать. Книга упала куда-то вперед, а Даниил стоял на коленях, опираясь руками в пол, низко опустив голову, так что он мог видеть только пол перед собой. Его колени пекли, как будто от ожога, а ладони, наверняка, опять покраснели. Левый локоть немного болел, возможно, он немного содрал кожу при падении.

Даниил неуклюже поднялся, смотря в пол и подхватил свою книгу. Несколько листов неестественно сдвинулись, наверняка, придется её подклеивать. У него нет ни одной книги,

которая выглядит как новая. Почему-то его одноклассникам и не только, кажется забавным портить его имущество.

А его родители как будто не понимают этого и думают, что он просто неуклюжий или возможно неаккуратный и из-за этого его вещи всегда такие неопрятные. От мысли, что родители просто закрывают на это глаза он поджал губы, искажая свои черты лица. Он сглотнул комок, застрявший в горле и вновь прижал к себе книгу, как будто старался спрятаться.

Он пошел вперед, сильно сутулясь, стараясь быть меньшим, надеясь, что получится пройти между школьниками. Но его сильно толкнули в плечо из-за чего он едва опять не упал, отшатнувшись на несколько шагов назад, вновь оказавшись посреди круга людей, которые окружали его. Он чувствовал себя как будто он стоит посреди арены.

Ему оставалось надеяться только на то, что скоро прозвенит звонок и тогда его не смогут продолжать держать в кругу – учителя не позволят. Они как обычно прикрикнут, чтобы они расходились по кабинетам. Но до этого и нечего надеяться, что они вмешаются. Учителя предпочитали закрывать на это глаза. То ли думали, что их вмешательство сделает только хуже, то ли считали, что он сам должен с этим справиться.

Даниил опять сглотнул тяжелый комок в горле, сильнее вцепившись в книгу. Они заметили его побелевшие костяшки и это заставило их смеяться лишь сильнее и спрашивать, что же он планирует делать. «Может, ударишь меня?» – со смехом предлагали с разных сторон.

Ему так невыносимо хотелось сделать им больно.

Даниил сидел в своей комнате погруженной в полумрак. Он запер дверь и плотно задернул шторы. Они были темными и плотными от того совершенно не пропускали свет заходящего солнца и зажигающихся фонарей.

Если закрыть глаза и прислушаться можно было слышать сквозь плотно закрытое окно звуки города – машины, далекая музыка, неповторимый шум, который издает человеческая жизнь.

Все это было слишком громко, от того он закрыл окно, но теперь, казалось, в комнате из-за этого все меньше и меньше воздуха. Он был тяжелым и затхлым. С каким-то привкусом мха и плесени.

Сейчас, если бы у него была возможность загадать одно желание, зная, что оно непременно исполнится он бы загадал тишину. Быть там, где нет абсолютно никакого звука – где даже нет самого понятия «звук». Место, где даже не будет слышно его собственного сердца и дыхания.

Но ему приходилось довольствоваться лишь тем, что он мог приглушить звуки. Но все равно он слышал громкие вопли телевизора. Его мать всегда смотрела телевизор излишне громко. Как будто тишина приводила её в ужас. И она пыталась спастись от неё, прячась за веселыми лицами ведущих и глупыми тв-шоу.

Иногда Даниилу казалось, что мы никогда не получаем желаемого. Он мечтает о тишине, но не может её обрести. Его мать же желает шума, который будет способен заглушить её мысли. Или же их полное отсутствие. И это получить ей тоже не суждено. Бедная одинокая женщина обреченная на тишину. Её мужа вечно нет дома, а ребенок с каждым годом все больше и больше прячется в свою раковину, пытаясь быть как можно больше незаметным.

С тех пор как Даниилу исполнилось семь лет в ванной комнате на полочке всегда стояла упаковка с таблетками, которые ему запрещалось трогать. Он знал, что это таблетки матери и это было единственное, что ему сказали. Ему казалось, что она больна какой-то страшной болезнью и жил в вечном страхе, что в один день она умрет.

Только спустя года он узнал, что флакон таблеток – это антидепрессанты. Они стали чем-то настолько же привычным, как и вечно включенный телевизор. Он привык к ним, принимая, как ещё один способ матери справиться с тишиной, которая её так пугала.

Сейчас Даниил уже был достаточно взрослым – уже скоро закончит девятый класс, но тем не менее он не мог избавиться от мысли, что непрекращающаяся депрессия матери – это его вина.

Он был достаточно умен, чтобы знать, что депрессия – это не просто грусть из-за чего-то. Это болезнь, которая проявляется физиологически. Это не может быть его виной, но эта мысль продолжает его преследовать. Она насаждает и давит. Говорит, что он не оправдал ожиданий своей матери. Глядя на него она поняла, что хотела совершенно не такой жизни.

Но рациональная часть его мозга, говорит, что это не правда. Ира любит его. Когда ей становится легче она пытается провести с ним как можно больше времени, в попытке наверстать упущенное и что ещё упустил.

Он искренне любит эти моменты. Тогда она может испечь кексы или пирог. А бывает они делают попкорн и смотрят что-то вместе, практически не замечая, что показывают на экране, бросая друг в друга попкорн и шутя.

Но её слишком часто нет, когда она ему нужна. Когда издевательства в школе становятся невыносимыми он приходит к ней и садится рядом на диван. Она гладит его по голове или просто прислоняется своим плечом к его плечу. Но этого недостаточно. Её взгляд слишком отсутствующий.

Сегодня был один из таких дней. Мать пытается заглушить тишину увеличивая громкость телевизора, а Даниил сидит в своей комнате сутулясь над письменным столом.

По всей столешнице были разбросаны тетради, книги, ручки. Казалось удивительным, что это все как-то балансировало и не превращалось в кромешный хаос. Чудом не падала со стопки тетрадей книга «К востоку от Эдема». Вместо закладки был канцелярский нож.

Сверху всего этого хаоса лежала фотография. Таких фотографий бесчисленное множество, они до безумия однотипны, но почему-то слишком болезненны.

Весь класс, им уже практически всем по шестнадцать, сидели в ряды, как на Римском Колизее. Низких посадили на стульчики, на самом переднем плане, средних ростом оставили стоять, третий же ряд состоял из стоящих на стульях.

Их расставляли по цвету кофт, по гендерной принадлежности и ещё черт знает по каким критериям, чтобы вышла, по мнению Даниила, максимально уродливая фотография.

Его верхняя губа слегка презрительно приподнималась, когда он смотрел на себя на этой фотографии. Он стоял в среднем ряду и даже невооруженным глазом было видно, что от него отступили немного дальше, как будто он был прокаженным или от него несло смрадом.

Глядя на себя на этой фотографии на Даниила накатывала волна ненависти. Его взгляд был отстраненным и тупым, напоминающий взгляд его матери, когда у неё был очередной, на самом деле почти постоянный, «плохой день». Все смотрели в объектив, он же, как немного в сторону. И это слишком бросалось в глаза.

Волосы слишком растрепанные и падали на лицо спутанными прядями. Неряшливая одежда.

Даниил схватил черный маркер, который валялся среди тетрадей и, зажав колпачок между зубов, открыл его. Он выплюнул колпачок и тот упал куда-то на пол с тихим стуком.

Маркер скрипел и казалось вот-вот сломается, когда он начал выводить линию за линией по одному и тому же маршруту, перечеркивая себя на фотографии, как будто играл в воображаемые «крестики-нолики». Он проводил по одной и той же линии раз за разом от чего она становилась толстой и продавливала плотный картон. Но этого было недостаточно и Даниил начал закрашивать себя полностью.

Он выходил за контур своего тела зарисовывая все от себя на этой фотографии.

Он громко, как-то хрипло дышал, как будто слезы истерики, сидящие где-то внутри, перекрывали ему дыхательные пути. Даниил выронил маркер и тот упал на стол, оставив черную, острую черту ближе к краю фотографии перечеркнув одного из его одноклассников.

Даниил прижал раскрытые ладони к лицу, ещё больше нагнувшись над столом. Парень прикусил нижнюю губу до боли и крепко зажмурил глаза, как будто боялся издать хотя бы звук или же боялся, что сможет разглядеть очертания себя на фотографии несмотря на множество слоев черного маркера.

Он убрал руки от лица, его лицо искажала болезненная гримаса. Он резко встал со стула, от чего-то с грохотом упало. Глаза пекли от непролитых слез, а горло сжимали невидимые, невыносимо тесные тиски.

Гортанно завыв он смел все свои вещи со стола. Те с грохотом посыпались на пол. Тетради раскрылись, ручки рассыпались, некоторые пропали безвозвратно, закатившись то ли под стол, то ли под кровать. Книга раскрылась ближе к концу, а канцелярский нож выпал с неё, оставшись где-то под слоями макулатуры. Но фотография как-то издевательски продолжала лежать сверху этого хаоса, привлекая внимание уродливым черным пятном, напоминающим чудовище, практически по середине фотографии.

Он упал на колени, точилка для карандашей болезненно впилась своими острыми металлическими гранями под колено. На раскрытых ладонях, которыми он упирался в пол, оставались красные точки от предметов, которыми был усыпан пол.

Он схватил канцелярский нож и скрутился над фотографией. Он давил на нож так сильно, что его пальцы и костяшки болели. Глаза были пугающе распахнуты, а нож со скрипом прорезал фотографию и оставил полосу на полу, оставил неглубокие прорезы на дереве ламината.

Нож выпал с рук Даниила и упал возле фотографии, запустив руку в хаос, что творился на полу, он вытащил не закрытый маркер и начал чиркать по фотографии, перечеркивая своих одноклассников, пытаясь скрыть за черной краской уродливо-улыбающиеся лицемерные лица.

Когда все лица были перечеркнуты он в бессилии выронил маркер и запрокинул голову.

Даниилу десять и он в восторге от новых знаний. Но он не может избавиться от мечты, где он может учиться в маленькой уютной раковине, где будет сидеть в мягком кресле и его не будут окружать другие дети.

Он недавно слышал о мальчике, который учится на домашнем обучении, потому что у него какая-то серьезная болезнь и он не может ходить в школу. И Даниилу кажется, что это потрясающе. Ты можешь изучать что-то новое, что-то потрясающее и захватывающее сидя у себя за столом в пижаме и ничто не отвлекает тебя от получения новых знаний.

Когда он в классе он постоянно отвлекается. Его одноклассники слишком шумные, они часто плюют в него бумагой. Они засовывают мягкие, пожеванные клочки бумаги в ручки, с которых вытягивают пасту и резко выдохнув «выстреливают» в него бумагой.

Ему не обидно, но ему ужасно противно. Они мерзкие, кажутся ужасно грязными и ему не нравится, что после того, как они попадают в него все начинают громко смеяться. От этого он чувствует себя выброшенным за борт и непонимающе хмурится, от чего его одноклассники смеются ещё громче.

Когда Даниил хмурится он напоминает взрослого, кажется, что в его маленькой, детской черепушке проходят серьезные мыслительные процессы. Одноклассникам кажется это забавным. Они продолжают говорить, что он тупой, от того, что он постоянно отвлекается. Но Даниил действительно не может понять, для него это что-то недостижимое, как кто-то

может на протяжении пятнадцати минут смотреть на одно и то же математическое уравнение и продолжать о нем думать.

Многие уравнения в его тетради брошены на половине развязания, как и сочинения по литературе, диктанты. Кажется нет такого предмета по которому он способен доводить задания до конца.

Он знает решение и оно очевидно для него. Так почему же для учителя не очевидно, что он знает? Для него это также абсурдно как и исписывать страницу за страницей тетради единой фразой: «небо голубое».

Ему слишком быстро наскучивает выполнять данные учителем задания, его мысли перетекают во что-то другое, а после и в третье, как будто без его участия и контроля. На математике он может рассуждать о истории и литературе, а на литературе рисовать пейзажи.

Зачем ему продолжать писать то, что он знает и что ему наскучило? Он искренне этого не понимает.

– Мам! – крикнул он, заходя в квартиру.

Там было привычно шумно. По телевизору шла какая-то передача и люди в ней были слишком громкими от чего мальчик поморщился. Смех был резким, а голоса высокие.

Ему больше нравились такие голоса как у его матери и отца. Они были немного глухие, негромкие и спокойные, как будто тягучие.

Он зашел в комнату. Как он и думал, мама сидела на диване, закутавшись в плед и смотрела телевизор. Мальчик бросил рюкзак на пол возле дивана. Когда мама заметит она напомним, чтобы он так не делал, но, казалось, она давно делала это по привычке. Как будильник, который поставил на определенное время без повтора. Он прозвенит лишь раз, а позже заглухнет, выполнив задачу.

Даниил залез под плед, прислонившись боком к теплому маминому боку. На её коленях лежал пульт и он схватил его, уменьшая громкость. Он не выключал телевизор, потому что тогда наступала невыносимо тягостная тишина. Как будто эта тишина вскрывало что-то потаенное, что они усердно старались не замечать. Пока мама смотрит телевизор все нормально, она как и все остальные родители просто устала и решила отдохнуть за просмотром какого-то шоу особо не вникая в происходящее. Но если он выключает телевизор то какое-то время Ира смотрит в черный экран пустым взглядом, как будто не замечает, что он выключен.

Тогда Даниил может видеть отражение на черной плоскости и глаза матери пугают. Они похожи на черные бездны.

А после она поворачивает голову к окну, но Даниил не может избавиться от неприятного ощущения, что расходится по телу мурашками.

Поэтому он только уменьшает звук и играет в «притворись, что все нормально». Пока он не видит этого пустого, пугающего взгляда в отражении он может это игнорировать.

На столе перед диваном, на котором они сидели, лежала толстая книга. Он случайно нашел её в папином кабинете. Она была пыльной и потрепанной. И совершенно не была нужна его отцу.

Но Даниилу она понравилась. В ней по алфавиту разместили поговорки и Даниилу нравилось их читать, хотя многие он не понимал и тогда просил разъяснения у Иры.

Иногда у него появлялась любимая поговорка, которую он крутил у себя в голове, повторял, как будто смаковал, крутил и рассматривал со всех сторон.

Иногда он говорил маме какая у него сегодня любимая поговорка.

Даниил положил голову на мамино плечо и она положила руку ему на голову, едва заметно перебирая волосы.

– Сегодня мне нравится: все черти одной шерсти, – протянул Даниил, как будто растягивал конфету-тянучку.

– Хорошая поговорка, – мягко сказала мать.

Она всегда так отвечала. Почему-то ей нравилась каждая поговорка, которую он говорил.
– Мам, – резко воскликнул он, вспомнив.

Вчера вечером, перед сном он читал эту книгу и там была одна поговорка, которую он не понял. Он хотел тут же побежать в комнату к маме, чтобы узнать, что она значит, но мать спала, а отец говорил, чтобы он не будил её, если у него ничего срочного, потому что мама болеет.

– Что значит: «где клятва, тут и преступление»?

– Это значит, что каждое обещание нарушается, – спокойно ответила мама, поглаживая его волосы и Даниил нахмурился, как будто пытался сам прийти к такому решению, как будто он упустил что-то важное в этой строчке.

Ему было интересно, почему каждое обещание нарушается. Неужели их так сложно выполнять? Зачем их нарушать?

Они молчали какое-то время. Ира смотрела на яркие картинки на экране, поглаживая Даниила по голове. Мальчик задумчиво ковырял пальцем плед. Иногда отрывая ворсинки или особенно длинные нитки.

Когда он приходил к матери и так садился возле неё, она объясняла значение поговорок, а он мог рассказать о всех-всех мыслях, что его посещали в течении учебного дня. Ему казалось, что от этого камень, что давил на грудь становится легче.

Почему-то часто, почти каждый день, он возвращается домой с неприятным комком в горле.

– Мы сегодня на литературе изучали байки, – заговорил Даниил, не поднимая взгляда на мать.

Учительница читала в голос байки, а потом разрешала им сказать, какой у неё смысл, после же, иногда, она исправляла учеников, говоря, что на самом деле имел в виду автор.

Весь урок Даниил хотел сбежать куда-то или же закричать, шлепнуть учителя ладонью. Он не понимал. Почему смысл, который говорит учитель такой, когда для Даниила были очевидны современно другой.

Казалось, все в его классе были согласны с этим едино-правильным значением. Когда учитель спрашивал у них их интерпретацию байки они говорили примерно одинаковое, отличное лишь в выражениях. Потому Даниил хотел, чтобы спросили у него, но у него все не спрашивали и не спрашивали.

Ему казалось, что если он скажет как правильно то он выиграет, как будто они играют в какую-то заковыристую игру, где все пытаются его обмануть.

Учитель прочитал последнюю на сегодня байку и закрыл книгу. Он спросил у нескольких одноклассников Даниила их мнение и авторитетно покивал со снисходительной улыбкой, а после в более заковыристых выражениях сказал тоже самое.

Даниил же нервно крутил карандаш, хмуро смотря на столешницу. Когда в классе наступила тишина и учитель уже был готов дать домашнее задание он, все так же не поднимая взгляда, заговорил.

– Но почему это о том, что нужно договариваться? – учитель опять снисходительно улыбнулся и уже открыл рот, чтобы ответить, разжевав все нерадивому ученику, но тот продолжил. – Лебедь, рак и щука не могут договориться. Рак ходит по дну, лебедь летает, щука плавает. Они не могут договориться.

– Но если бы они договорились, – почему-то голос учителя был странный, искаженный какой-то непонятной интонацией, – то у них все получилось бы. Лебедь мог бы идти...

– Да, но... – перебил Даниил, – рак и лебедь могут идти по земле, хотя у них и разная скорость, но щука может только плыть. Это ведь о том, что у них не одинаковые возможности и даже если они захотят сделать что-то вместе они не смогут, потому что слишком различаются.

– Даня, – обычно к нему обращались так по имени, когда он совершал ошибку, как они думали. Даниил терпеть не мог это сокращение, – это метафора. Ты же знаешь, что это такое?

Даниил раздраженно вздохнул, несколько раз легонько стукнув резинкой на конце карандаша об парту и поднял глаза на учителя, глядя тому в район груди.

– От греческого «перенос». Это слово или выражение, которое употребляется в переносном значении.

– Ну вот, – голос учителя стал ещё мягче, так обычно говорят с младенцами, которые улыбаются и пускают слюни или хлопают маленькими, пухлыми ладошками, – ты же умный мальчик. Должен понимать, что на самом деле имеются в виду люди и байка призывает нас договариваться. У неё должен быть поучительный контекст.

– Если у неё нет поучительного контекста это не байка, – кивнул Даниил, – значит это не байка. Это просто история, которая указывает на то, что мы не равные.

– Даня, – со вздохом сказал учитель, – ты имеешь право на собственное мнение, но это не значит, что твое мнение верное. Как раз тебе не помешало бы научиться прислушиваться к другим. А теперь давайте запишем домашнее задание!

Даниил слишком резко дернул за нить пледа и она с хрустом оборвалась.

– Мам, как думаешь, я был прав?

– Милый, – мать продолжала поглаживать его волосы, – это просто история. Просто байка.

Мальчик уткнулся лбом в мамино плечо, приглушенно угукнул и плотно зажмурил глаза, сжимая в кулачках плед. Если это так очевидно для него, почему это не очевидно для других?

Длинное окно у потолка было распахнуто от чего на полу лежало несколько сухих листьев, оторванных ветром с толстой ветки дерева, что росло у самого окна.

Было практически лето и с открытым окном было невыносимо жарко. Даниил периодически вытирал пот со лба и над верхней губой. На его светлой футболки было несколько влажных пятен. Она была свободной, как и бриджи, но это не спасало от духоты.

Он сидел на узкой скамейке, у неё лежали его потрёпанные кроссовки, которые он скинул, не развязывая шнурков. Парень задрал голову, пытаясь поймать поток ветра лицом и расслабленно прикрыл глаза, когда почувствовал прохладное дуновение. Из-за густых, вечно растрепанных волос задняя часть шеи была влажной от пота и, иногда, капли пота прокладывали путь между его острых лопаток.

Это была старая школьная раздевалка, она была такой маленькой, что свободного места из-за сумок, одежды и обуви просто-напросто не было. Стоял неприятный запах пота и грязных носков.

У одноклассников Даниила начался период полового созревания, а вместе с этим их голоса периодически ломались, появлялись красные надутые прыщи, а запах пота стал удушающим.

Но сидеть в этой маленькой комнатке, задыхаясь от запаха пота было намного лучше, чем выйти и попасться на глаза учителю. Тогда тот, желая отомстить за все прогулянные занятия, не будет спускать с него глаз и тщательно будет следить за выполнением каждого упражнения, обращая на него не только свое внимание, но и внимание всех присутствующих своими постоянными комментариями.

В прошлом учебном году и в начале этого Даниилу удавалось не ходить на уроки физкультуры благодаря тому, что он отлично научился подделывать почерк своей матери. Было достаточно одной бумажки с краткой запиской от «матери», что её сын очень болен и потому будет пропускать уроки физкультуры. Учителю до этого, казалось, не было дела.

Но недавно, всего месяц назад, ему неожиданно стало любопытно, чем же таким болеет Даниил из-за чего он никогда не занимается. Или его нет вовсе, или же он сидит на скамейке, не обращая внимания на все что его окружает. От того учитель физкультуры позвонил его матери, удивив её новостью, что, оказывается, её сын болен.

После этого пренебрежение преподавателя к нему переросла в откровенную антипатию. Он пришел во время урока литературы и громко, во всеуслышание, сказал о том, что ложь Даниила раскрылась и теперь он лично будет следить за посещаемостью и у парня не выйдет пропустить ни одного урока.

После этого тема физкультуры была излюбленной темой для шуток у его одноклассников.

У Даниила не было выбора. Он брал форму с собой и переодевался со всеми в маленькой каморке, пытаясь забиться в угол, чтобы никто его не видел. Он переодевался максимально медленно, подолгу завязывал шнурки, больше просто крутя их, чем действительно пытался завязать.

Он дожидался, когда все выходили и садился на скамейку, надеясь, что о нем забудут. Первый раз учитель сам пришел за ним и вытащил едва ли не за ухо, от чего его одноклассники вновь хохотали едва ли не до колик.

Во второй раз за ним дважды присылали ученика, но каждый раз он говорил, что ещё не переделся, а к середине занятия учитель просто о нем позабыл. Так было ещё дважды, каждый раз о нем забывали. После за ним и вовсе уже никого не посылали.

Он надеялся, что в этот раз будет так же. До того как в комнату вошел один из его одноклассников – крупный парень в футболке и шортах, благодаря чему был виден продолговатый шрам на ноге. Там где кость распорол кожу.

Он скрестил руки на груди, ухмыляясь одной стороной рта от чего Даниил опустил взгляд в землю.

– Тебя зовет учитель, – протянул он и его голос был пропитан злорадством, – мы сегодня сдаем нормативы.

– У меня кроссовок порвался, – тихо ответил Даниил, перед тем как заговорить он несколько раз нервно облизал губы.

– Тогда босиком пойдешь, – бросил раздраженно парень, – я не уйду пока ты не поднимешься и не пойдешь. Или тебе помочь?

Он сделал шаг вперед. От этого он казался ещё больше и Даниил сильнее вжался в стену, а после, выдохнув, качнул отрицательно головой и его волосы упали ему на лицо.

Он поднялся и последовал за парнем, который так и норовил поставить подножку или немного пихнуть. И, разумеется, он пошутил о том, что кроссовки, которые Даниил все же обул, не выглядели порванными. Даниил решил промолчать, его ложь и так была очевидна.

– О кого я вижу! Цвирко! – громко воскликнул учитель ухмыляясь, сложив руки на груди, – Эй, парни, вы не против пропустить его без очереди?

Даниил опустил взгляд, сжимаясь. Его одноклассники слишком восторженно кричали о том, что, конечно, они не против пропустить его. Даниилу казалось, что между учителем и его одноклассниками есть какая-то шутка, которую они понимают, которая кажется им очевидной. Но для него она неизвестный, неприятный груз, что давит сверху, от чего хочется уйти.

– Вот видишь, Цвирко, как все хорошо сложилось, – говорил учитель, насмешливо глядя на парня, – пришел первый раз и первый будешь сдавать все нормативы! Так что, давай, не задерживай очередь. Упор леж и отжимайся.

Даниил ещё сильнее сжался, опустил голову ещё ниже, не сдвинувшись с места, пока учитель раздраженно не цокнул языком, подгоняя его.

Он уперся ладонями в пол, глядя на стык между двумя деревянными балками. Стык казался черным, кривым, с множеством заноз.

Даниил чувствовал взгляды, которые казалось буравили его между лопаток, настолько они были острыми. На лбу выступила крупная капля пота, она щекоча кожу скатилась по лбу, по узкому носу и остановилась на секунду в ямке над верхней губой. Даниил облизал губы, чувствуя на языке яркий вкус соли.

Его локти дрожали, ему казалось, что каждая его мышца дрожит. Он смотрел лишь в пол, но слышал каждый смешок, каждое хихиканье и каждую насмешливую фразу. Все это заставляло его щеки гореть от стыда.

Он отжимался медленно на дрожащих руках, но был уверен, что его результаты не были столь плохи. Пусть и не были выдающимися.

Возможно, его тело развивалось с небольшой задержкой. Его голос не ломался, а подбородок был таким же безволосым как и пять лет назад. Эта задержка была совсем незначительной и она врачи совершенно не беспокоились о ней, но когда ты парень пятнадцати лет: рост, вес, начинающие пробиваться на лице волосы слишком важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.